

нет... Даже как-то не валит сюда в дни маленький и уд на веселые что не различит старенькому фойе что не похожий то не выбегают на медлительный, вечно удивленный, озорной, пред-лиша...

шии — Юрию Владимировичу исполнилось 65 лет, и, значит, можно, не стесняясь, сказать ему о своей любви и уважении.

Но точный, как всегда, Никулин решительно отодвигает, откладывает все заботы, пусть даже и приятные. Назначено интервью — надо говорить.

— Юрий Владимирович, недавно на встрече с футболистами московского «Динамо» вы говорили о том, что фотография этой команды прошла с вами всю войну. Если можно, чуть подробнее об этом...

— Не только прошла войну, но, я считаю, была моим талисманом. Я всегда понимал, что могу погибнуть, — чем я лучше моих товарищей, сложивших голову на фронте? А меня даже не ранило ни разу, хотя я отвоевал и финскую, и Великую Отечественную. Так что московские динамовцы приложили, наверное, к моему спасению, если не руку, то хотя бы ногу. Одного этого хватало бы, чтобы быть всю жизнь преданным поклонником клуба. Но началась эта любовь гораздо раньше, еще до войны...

Ведь что такое был для нас футбол до войны? Это была глубокая страсть. Не было телевидения, а я в «своей» команде знал в лицо всех игроков до единого. Ходил на любой матч, а потом ждал у автобуса... Мне

повезло — знакомый фоторепортер взял меня как-то на футбол. Он хромал, и кому-то нужно было таскать за ним громоздкий штатив. Так я оказалась в том самом тоннеле, через который футболисты выходили на поле. До каждого дотронулся рукой. Потом хвастал во дворе но ребята не верили...

Футбольный матч был целым ритуалом для мужского населения Москвы. Немыслимыми путями на трибуны пробиралось

вдвое больше людей, чем было мест. Мельчайшее событие игры мы переживали как что-то самое важное. От отчаяния до ликования был иногда лишь один шаг — не наш, разумеется, футболиста. Игры проходили в светлое время, поскольку искусственного освещения тоже не было, и после свистка мы еще долгими часами толкались на площадке за Северной трибуной стадиона «Динамо»,

Юрий НИКУЛИН: Какие имена, какие люди!

Встреча с народным артистом СССР, директором и главным режиссером Московского цирка на Цветном бульваре, любимым клоуном и киноактером.

где висела огромная фанерная таблица чемпионата страны и где образовался стихийный клуб болельщиков. Так и вижу плотный круг людей, а в центре какого-нибудь известного среди болельщиков дядю Васю — вот уж кто все знал! А потом мы шагали пешком — мимо метро «Белорусская», по улице Горького и дальше, кому куда. И никак не могли успокоиться, вспоминая перипетии матча, со вкусом обсуждая финты, рывки, проходы...

— Но о фотографии, о том самом снимке расскажите, пожалуйста...

— Тот же корреспондент подарил мне традиционную групповую фотографию динамовцев. Прикрепил я ее на внутреннюю сторону фибрового чемоданчика и отправился 18 ноября 1939 года в далекий путь. Сам не знал, какой долгой окажется эта дорога. Снимок и по сей час как

бы вижу перед собой: вратарь Фокин (разумеется, с мячом), Якушин, Чернышев, Сергей Ильин, Семичастный... Какие имена, какие люди!

Карточка эта немало побродила вместе со мной. Когда случилось недолгое затишье, я вешал ее в изголовье, над нарами, где-нибудь в сыром блиндаже — и все могли посмотреть, повоспоминать. Это был кусочек мирной жизни. Помню, в ленинградскую блокаду глядел я на эту фотографию и представлял себе: лето, теплынь, зеленое поле, музыка гремит из репродукторов, а мы сидим на трибуне с отцом, на коленях у меня лежит целый батон за рубль сорок и полкило конфет-подушечек... Это ж я, счастье так себе представлял.

И знаете, что интересно — как я с войны вернулся. Это было уже в мае сорок шестого.

Приехал я в теплушке в Москву, на Рижский вокзал. Кинулся к автомату — звоню домой. Телефон помню: Е-1-26-04. Мама ахнула: «Юра!..». Подошел отец: «Ну, приехал? Как ты? Ничего? Отлично. Только тут такая штука... Футбол сегодня. «Спартак» — «Динамо». Я пойти собрался... Прямо даже не знаю, как быть?».

Я говорю: «Иди, конечно. Я сейчас быстренько домой — и тоже на «Динамо». Купи мне билет с рук (в кассах, понятно, уже не было). Встретимся в перерыве между таймами у контролера перед Южной трибуной». Забежал я домой, только с мамой обнялся и шинель бросил — жарко было. Тут заглянул к нам мой старый друг Шурка, тоже недавно демобилизованный. И мы вместе махнули. Пешком до «Красных ворот», а там на метро, с пересадкой — на «Динамо». Успели как раз. Вижу издалека — отец стоит. Бросился я к нему — семь лет не встречались. А Шурка кричит: «Смотри-те, товарищи, вот отец встретился с сыном — фронтником. Смотрите! Они ж две войны не виделись!». Кричал-кричал, так и прошел под шумок без билета...

— Вы и сегодня такой же болельщик?

— Люблю футбол, очень люблю. Цветной телевизор специально купил, чтобы матчи смот-

реть, а то по черно-белому сильнее от красного не отличить. А вот ходить на стадион, честно скажу, перестал. Во-первых, времени катастрофически не хватает. Мы стали куда больше успевать за день и теперь в плену у этого сумасшедшего ритма. Во-вторых, телевидение делает свое черное, не цветное дело. Надо быть уж очень преданным болельщиком, чтобы, скажем, в проливной дождь или в мороз отправиться на открытую трибуну, когда дома так уютно, тепло, стакан чая на столе... А ведь когда-то ходили, ноги под ботинками, чтобы не поморозиться, газетами оборачивали, согласны были вытерпеть что угодно.

Это — грустно. Давно известно, что одно дело — смотреть комедию в пустой комнате и совсем другое — в полном зале. Одни и те же шутки воспринимаются по-разному. То же относится и к спортивному болению. Недаром в дни интересных матчей любители спорта сколачиваются в монолитные компании и смотрят телевизор вместе, хотя нынче «ящики» у каждого есть. Надо что-то с этим делать, нужно привлекать на стадионы молодых и не мешать им давать выход своим чувствам, разумеется, в рамках общественно терпимого.

Есть у меня и третья причина... Поймите верно, как-то не-

приятно видеть, что во время игры все вокруг не на поле смотрят, а на тебя: интересно, что Никулин сделает, когда его любутому «Динамо» гол забьют? Я тот выступать перед публикой и делал это много лет. Но футбол хочу смотреть, не будучи сам при этом зрелищем.

— Юрий Владимирович, а что вы думаете о футболистах?

— Игрок должен быть личностью. Такой, как Федотов, Бобров, Яшин, Стрельцов... Вот Бородюк. Я говорил динамовцам на недавней встрече, что таких игроков нужно культивировать, выращивать. Конечно, футбол — игра коллективная, это так. Но не может быть классной команды без классных игроков. Хочется видеть на поле человека, которого можно назвать «артист своего дела».

Я сказал футболистам в день, когда им вручали серебряные медали чемпионата страны, что они тоже в некотором роде клоуны. (И ребята не обиделись). Они ведь тоже приносят радость людям, заставляют хотя бы на полтора часа забыть о том трудном, невеселом, без чего не бывает ни жизни, ни работы. Как народ преображается, как глаза сияют, когда любимая команда выигрывает красиво и благородно, когда перед зрителями разыгрывается великолепное действие, имя которому Футбол!

— А сами вы когда-нибудь имели отношение к футболу?

— Имел. После Победы меня назначили тренером футбольной команды нашего полка. Правда, на роль играющего тренера я не претендовал — понимал, что другие принесут вреда меньше. Нас освобождали от других занятий, причем особенно часто тренировки почему-то совпадали по времени со строевой подготовкой. Но мы проиграли команде соседней части с выразительным счетом — 11:0, и меня с треском освободили от занимаемой «должности». Так что я вкусил горького тренерского хлеба.

Что же касается спорта вообще... После войны я учился в клоунской студии при Московском цирке, и мне пришлось заниматься акробатикой. Но мне в мои 25 лет казалось странным — вернуться целым и невредимым с фронта, а потом свернуть себе шею на тренировках. Так что я скорее физкультурник, чем спортсмен.

Но, естественно, я считаю, что артисту цирка необходимо быть тренированным, закаленным. Вы вспомнили про новогодние елки. А знаете, что такое две-три недели подряд, без выходных, работать по три представления в день — и не халтурить, а с полной отдачей трудиться, выкладываться перед малышней, как перед госкомисси-

ей? Это дело непростое. Но — прекрасное.

Когда-то я впервые вышел на манеж в номере Карандаша, распевав во все горло: «Если хочешь быть здоров, закаляйся...». И в этом выразилось мое отношение к спорту и физкультуре.

В этот момент в разговор все-таки ворвались отодвинутые в дальний угол хлопотливые обязанности хозяина кабинета. А я вновь принялся разглядывать обстановку этой комнаты. Цирк закрыт, его дирекцию временно расселили в обычном трехэтажном доме, а каждая деталь интерьера напоминает об искусстве арены.

Настольная лампа — клоун. Пепельница — сувенир с международного фестиваля цирка. Три фигурки на столе — «Трус», «Балбес» и «Бывалый» из фильмов Леонида Гайдая. Книга «Советская клоунада». Календарь 1983 года, где Юрий Владимирович сфотографирован со своим другом и многолетним партнером, тоже фронтником, Михаилом Шуйдиным, которого, к сожалению, уже нет... Знакомые кресла, обитые красной кожей. Люстра, висевшая когда-то в ложе почетных гостей и светившая стольким легендарным личностям... А вот какой-то странный головной убор, не то клоунский колпак, не то феска.

— Что это такое, Юрий Владимирович?

— О, с этой шапочкой связана целая история. Незнакомая мне женщина из Казани сшила ее своими руками, прислала мне и написала: «Когда у вас будет плохое настроение, наденьте эту шапку — и вам станет веселее». Я сначала не поверил. А потом однажды так навалилось все, так как-то стало не по себе, что взял да и надел. И — представляете? — стало легче. Теперь всегда держу ее под рукой, — Юрий Владимирович надел шапку и беззаботно улыбнулся.

На прощание я поздравил Юрия Владимировича с днем рождения и пожелал ему того, чего он сам себе желает. И Никулин, хмыкнув, сказал:

— Я сказал динамовцам: хорошо, что им вручены серебряные медали. Есть стимул. На следующий год пусть «золото» завоюют. Через сезон — сделают дубль, станут чемпионами и обладателями Кубка страны. А еще год спустя, если повезет, снова сделают дубль и всей командой придут на открытие нашего цирка на Цветном бульваре.

Вот чего я желаю им — и себе тоже.

Беседу вел
С. ВИШНЯКОВ.
Фото А. Азарова.